рической науки, во всяком случае он не отрицает возможность объективности исторического знания. Он лишь ответственно и самокритично смотрит на исследовательскую практику историка, замечая, что история постоянно находится в состоянии «переписывания», так как постоянно меняется вектор «прочтения» событийной канвы прошлого. Это позиция рефлексирующего историка, стремящегося осмыслить «субъективную» сторону исследовательской практики историописания.

В отечественной историографии сформировалась оригинальная концепция методологии истории, дающая свой «ответ» на требования современного исторического сознания. На основе концепции русского историка А. С. Лаппо-Данилевского, через научно-педагогическую деятельность его учеников, прежде всего С. Н. Валка и А. И. Андреева, в работах О. М. Медушевской (ученицы А. И. Андреева) сложилась целостная концепция методологии истории[17]. Она созвучна концепции Х. Уайта в постановке и обсуждении теоретических проблем исторического знания: прежде всего это проблема субъектно-объектных отношений, проблема исторического дискурса, это стремление выйти за пределы профессиональной обособленности в решении общих методологических проблем в уровне теории познания. Концепцию методологии истории, сложившуюся в работах О. М. Медушевской, отличает мощный оптимистический заряд и – при глубоком осознании трудностей исследовательской практики историка – уверенный взгляд в будущее.

А. Г. Чевтаев

ПЕРМСКАЯ ШКОЛА ИССЛЕДОВАНИЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ ЗАПАДА НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

Глубокие перемены, которые претерпело российское общество в 90-х гг. XX в., при всех тяжелых последствиях имели важное положительное значение для сферы гуманитарных наук. Отечественная

[17] См. об этом: *Медушевская О. М.* Источниковедение: Теория, история, метод. М., 1996; *Она же.* Феноменология культуры: Концепция А. С. Лаппо-Данилевского в гуманитарном познании новейшего времени // Исторические записки. Вып. 2 (120). М., 1999.

© А. Г. Чевтаев, 2001

историческая наука получила возможность более широкого доступа к источникам, достаточно свободного подхода к постановке проблем исследований и трактовке их результатов. Весьма важное значение имели ликвидация «железного занавеса» в научно-гуманитарной области, возникновение широких контактов отечественных специалистов с зарубежными коллегами и включение российских исследовательских школ в мировую историографию. При всех трудностях заметно оживилась исследовательская работа многих региональных научно-педагогических структур.

На фоне этих позитивных перемен представляется важным рассмотреть деятельность группы преподавателей и сотрудников ряда высших учебных заведений и академических учреждений, объединенных вокруг Центра исследований по консерватизму при Пермском государственном университете им. А. М. Горького. Он возник на основе результатов работы кафедры всеобщей истории Пермского университета в 1950–1970-х гг., когда под руководством крупного специалиста по истории и культуре Великобритании и Европы профессора Л. Е. Кертмана разрабатывались проблемы демократических тенденций в художественной и духовной культуре стран Запада.

В дальнейшем объектом исследований становится консерватизм как часть политической культуры Запада. В 1987 г. ученик Л. Е. Кертмана профессор П. Ю. Рахшмир в соавторстве с А. А. Галкиным опубликовал книгу «Консерватизм в прошлом и настоящем». Это была в сущности первая в отечественной историографии и вполне удачная попытка преодоления того пренебрежения, которое марксистско-ленинская наука выражала в отношении одной из ведущих традиций политической культуры Запада.

В начале 90-х гг. происходит по существу второе рождение пермской школы. Необходимость серьезного исследования истоков консерватизма, его эволюции, своеобразия его проявления в ведущих странах Европы и Америки и влияния на Россию привела к созданию при Пермском университете упомянутого уже Центра исследований по консерватизму под руководством П. Ю. Рахшмира. Центр установил научные контакты как с российскими исследовательскими организациями, так и с рядом зарубежных университетов, где проходили научную стажировку сотрудники Центра.

Важной формой обмена результатами научных изысканий пермских коллег стали проводимые с 1993 г. ежегодные международные

конференции в Пермском государственном университете с участием российских исследователей из вузов и научных учреждений Москвы, Петербурга, Челябинска, Екатеринбурга и других городов, а также ученых из университетов Великобритании, США, Швеции, Германии и других стран. Материалы этих конференций стали публиковаться под общим названием «Исследования по консерватизму».

Сохраняя основное внимание к собственно консерватизму, пермские ученые обратились также к сравнительному исследованию исторически сложившегося двуединства консерватизма и либерализма. Кроме того, пермская школа сумела преодолеть традиционно существующий в отечественной историографии барьер между специалистами по западной и российской истории и культуре.

Каковы основные направления и проблемы, которыми занимаются ученые пермского Центра? Одной из наиболее сложных и наименее изученных в отечественной науке является проблема истоков и типологии консерватизма. Советская и вообще марксистская историография представляла эту традицию неким нерасчлененным «реакционным течением», всегда стоявшим на пути поступательного движения общества. Однако обращение к первоистокам консервативной мысли и реальным процессам политической жизни Великобритании и континентальной Европы конца XVIII – начала XIX в. показало несостоятельность такого взгляда.

Истоки и типологию консерватизма еще в конце 80-х гг. успешно начал разрабатывать П. Ю. Рахшмир[1]. Эта проблематика заняла важное место и в его докладах на первых конференциях Центра в 1993–1994 гг. Он убедительно показал значение «Размышлений о революции во Франции» Э. Берка как главного истока «современного в широком смысле слова консерватизма». Именно в беркианских размышлениях прямо или косвенно можно увидеть все три типа консерватизма: *традиционалистский, либеральный* (умеренный) и *экстремистский*[2].

Важным и по существу новаторским в отечественной историографии моментом исследования П. Ю. Рахшмира следует считать со-

---

[1] См.: *Рахшмир П. Ю.* Типология современного консерватизма. М., 1986; *Он же.* Эволюция консерватизма в новое и новейшее время // Новая и новейшая история. 1990. № 1.

[2] См.: *Рахшмир П. Ю.* Три консервативные традиции: Общее и особенное // Исследования по консерватизму. Вып. 2. Консерватизм в политическом и духовном измерениях. Пермь, 1995. С. 4–17.

поставление англо-американского и европейского консерватизма, определение их различий. Он подчеркивает преобладание в первом либеральной тенденции, умеренности и гибкости, во втором, напротив, – доминанту ультраконсерватизма, который в различные эпохи в разных странах континентальной Европы сближался или даже превращался в правый радикализм (Ш. Моррас, А. Саландра, А. Гугенберг). И в этом историческая трагедия европейского консерватизма первой половины XX в. Однако он извлек уроки из этого опыта и во второй половине XX в., пережив глубокую трансформацию, в значительной мере приблизился к либеральному варианту, хотя определенные типологические различия континентальной и англосаксонской традиции остаются[3].

Другим направлением работы пермской школы является исследование роли и взаимодействия основных идейно-политических традиций, и прежде всего консерватизма, их ценностей в контексте общей истории Соединенного Королевства и Британской империи в XIX–XX вв. Прежде всего отметим целый ряд докладов профессора Л. А. Фадеевой на упомянутых конференциях и других ее публикаций, посвященных влиянию консерватизма и либерализма на формирование и действенность основных ценностей британской демократии во второй половине XIX – первой половине XX в. Впервые в отечественной исторической мысли мы имеем удачную попытку анализа воздействия консервативных установок и идей на утверждение викторианских ценностей, а также своеобразного преломления последних в более позднюю эпоху[4]. Отметим, что в докладах Л. А. Фадеевой, как и в работах П. Ю. Рахшмира, звучит мысль о том, что, несмотря на нередкие конфронтации обеих традиций, в истории большинства стран Европы и Америки XIX–XX вв. преобладает не разрыв, а консенсус – консервативно-либеральный или либерально-консервативный.

Важной и малоисследованной в отечественной науке проблеме формирования духовного аспекта британского колониализма и роли в нем консервативной традиции посвятила свой доклад доктор исто-

---

[3] См.: *Рахшмир П. Ю.* Три консервативные традиции. С. 10–12.

[4] См.: *Фадеева Л. А.* Викторианская система ценностей и консерватизм // Исследования по консерватизму. Вып. 2. С. 17–19; *Она же.* Консервативные компоненты профессиональной идеологии // Исторические метаморфозы консерватизма. Пермь, 1998. С. 148–159; *Она же.* Образ Викторианской эпохи в коллективной памяти англичан // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. Вып. 1. М., 1999.

рических наук Г. С. Остапенко (ИВИ РАН). По ее мнению, имперская концепция тори включала в качестве своего важного элемента сознание высокой личной ответственности политиков и чиновников колониальной администрации за свое поведение. Кроме того, составной частью общего обучения и воспитания студентов в университетах, особенно в Оксфорде и Кембридже, была подготовка миссионеров для работы во владениях британской короны. Во многом благодаря общему влиянию консерватизма на эти процессы сложилось англиканское содружество, активно действующее вплоть до настоящего времени. При всех противоречивых последствиях христианизации бывших имперских владений последняя во многом определила создание «духовного моста» между Западом и Востоком и облегчила деколонизацию[5].

Ценными представляются результаты исследований доцента Г. М. Алпатовой о поисках британскими либералами и консерваторами адекватного ответа на вызовы межвоенного периода 1918–1939 гг. Она отмечает то обстоятельство, что истоки кейнсианства лежат в интеллектуальной и публицистической деятельности Джона М. Кейнса в рядах «нового либерализма» в 1920-х гг.[6]

Доцент Н. Ф. Ушкевич посвятила ряд своих сообщений отношению консервативной партии Великобритании к вопросам духовного развития нации в период между мировыми войнами. Она показала, что, несмотря на довольно широкое распространение авангардистских настроений и ориентаций, консервативная традиция в этой сфере осталась преобладающей, особенно в небольших городах и графствах. Массовая культура Великобритании оказалась менее зараженной модернизмом, чем в континентальной Европе, во многом благодаря тому позитивному сдвигу в позиции партии тори в вопросах культуры, который произошел в 1920–1930-х гг.[7]

---

[5] См.: *Остапенко Г. С.* Британские консерваторы, империя, церковь: К духовному аспекту британского колониализма // Исследования по консерватизму. Вып. 2. С. 20–23.

[6] См.: *Алпатова Г. М.* Кейнс и «новый либерализм» // Там же. Вып. 3. Консерватизм и либерализм: Созвучия и диссонансы. Пермь, 1996. С. 98–101; *Она же.* «Новый консерватизм» Стэнли Болдуина // Консерватизм: Идеи и люди. Пермь, 1998. С. 163–177.

[7] См.: *Ушкевич Н. Ф.* Консервативные ценностные ориентации в культуре Англии межвоенного периода // Исследования по консерватизму. Вып. 2. С. 28–31; *Она же.* Консервативная политика в области культуры в Великобритании в межвоенный период // Там же. Вып. 3. С. 106–109.

Проблеме преодоления глубоких потрясений британского общества в первой половине XX в. посвятил свой доклад на одной из пермских конференций и автор данной статьи. Он показал, что за полвека страна пережила несколько таких состояний, каждое из которых с полным основанием можно назвать национальным кризисом. И в подавляющем их большинстве именно консерватизм стал той силой, которая предложила концепцию преодоления этого кризиса и возглавила блок политических и социальных сил для достижения этой цели[8].

На международных конференциях в Пермском университете значительное место заняла проблематика немецкой политической культуры конца XIX–XX в. В докладе известного германиста профессора А. Б. Цфасмана (Челябинск) четко прослежена историческая судьба немецкого консерватизма как целостной традиции. Убедителен вывод о том, что вплоть до середины XX в. тон в ней задавало правоконсервативное течение, порой прямо смыкавшееся с праворадикалами (наиболее яркий пример – роль этого течения в приходе А. Гитлера к власти в 1933 г.) Автор отмечает, что типологически традиционалистский немецкий консерватизм близок не к англосаксонскому, а к российскому консерватизму. Оба несут весьма значительную долю вины за революционные потрясения в своих странах в первой трети XX в. Только после трагических уроков истории Третьего рейха правоконсервативное течение прекратило существование как серьезная составляющая часть всей традиции, уступив свое место умеренному консерватизму в христианско-демократической парадигме[9].

Судьба иной ветви германского консерватизма прослежена в сообщениях доцента Т. З. Шмидт. В частности, на примере анализа социально-реформистской программы графа А. Посадовского и концепции «катедер-социалистического канцлера» Б. фон Бюлова она показала, с одной стороны, своеобразие, неординарность этого течения, внесшего важный вклад в социальные реформы в Германии конца XIX в., а с другой – слабость, непоследовательность реформаторского консерватизма в первой трети XX в.[10]

---

[8] См.: *Чевтаев А. Г.* Британский консерватизм и проблема преодоления национальных кризисов в первой половине XX в. // Исследования по консерватизму. Вып. 2. С. 23–28.

[9] См.: *Цфасман А. Б.* Традиционный немецкий консерватизм: Историческая судьба // Там же. С. 64–68.

[10] См. об этом: *Шмидт Т. З.* Социально-реформистская программа графа А. Посадовского // Там же. С. 60–64; *Она же.* Бернгардт фон Бюлов как «катедер-социалистический канцлер» // Там же. Вып. 3. С. 80–83.

Кандидат исторических наук В. В. Ищенко (ИВИ РАН) показал своеобразие немецкого консерватизма 1980–1990-х гг. через призму взглядов и политики одного из видных деятелей ХДС Лотара Шпэта. Автор приходит к выводу, что именно активность лидеров подобного типа, сумевших соединить прагматизм регионального уровня с интересами национального развития и потребностями интеграционных процессов, позволила либерально-реформистскому течению задать тон в рамках всей немецкой консервативной традиции последней трети XX в. и заметно поднять значение ФРГ в формировании «единой Европы»[11].

Весьма представительной и плодотворной получилась международная конференция в мае 1996 г., посвященная проблематике реформ и роли в них основных традиций Запада: консервативной, либеральной и социал-демократической. Особенностями этого научного форума были широкая междисциплинарность, а также активное участие специалистов по истории России XIX–XX вв., как отечественных, так и зарубежных.

Проблема типологии преобразований в контексте поведения консерватизма в этих процессах была затронута в ряде докладов. П. Ю. Рахшмир показал многообразие типологии реформ в зависимости от главного критерия: политического, ситуационного, целеустановочного. В то же время любую сколько-нибудь значимую реформу можно классифицировать одновременно по всем основным критериям. Что касается принципиального отношения консерватизма к реформам, докладчик убедительно показал, что практически все крупные представители этой традиции, в том числе и такой глубокий традиционалист, как Жозеф де Местр, не были абсолютными противниками преобразований. Другое дело, что характер, методы реформ, проводимых консерваторами, как правило, серьезно отличались от преобразований их политических оппонентов.

П. Ю. Рахшмир отметил еще одну важную особенность консервативного реформизма. Чаще всего он вынужден принимать на себя последствия поспешных, непродуманных или исчерпавших себя преобразований, проведенных социал-демократами или либералами, и восстанавливать социоэкономическую и политическую стабиль-

---

[11] См.: *Ищенко В. В.* Современный германский консерватизм и Лотар Шпэт // Исследования по консерватизму. Вып. 2. С. 68–70.

ность общества. И все же это не «контрреформы», как полагают некоторые исследователи, не простой «откат назад», а вполне самостоятельные, вызванные новыми жизненными потребностями преобразования. Наиболее яркий пример последних – реформы конца 1970-х – середины 1990-х гг. во многих странах Европы и Америки, которые сформировали новую социоэкономическую и политико-правовую парадигму западного общества последней четверти XX в.[12]

Весьма важную и актуальную проблему социальной ответственности как элемента политической культуры затронула в своем докладе доцент М. П. Лаптева. Она отметила, что идея ответственности человека за свои поступки и дела перед обществом и собою пронизывает в той или иной мере политическую мысль человечества с древнейших времен. Вместе с тем по мере развития новоевропейской цивилизации все сильнее звучит тема выбора поведения личности соответственно ее убеждениям. Как показал М. Вебер, при всем различии этих двух побудительных мотивов «этика убеждения» и «этика ответственности» не столько противостоят, сколько дополняют друг друга. И все-таки, как справедливо полагает автор, этика ответственности должна быть предпочтительнее для политических лидеров и элиты, склонных к социальным преобразованиям. По существу от уровня ответственности реформаторов и более широкого «политического класса» во многом зависит исход реформ. В конечном счете вектор движения общества в сложном «круге преобразований» (реформы – впитывание их результатов в ткань социума или отторжение – резкий откат назад – новый виток реформ и т. д.) в значительной мере определяет и политическую культуру общества в целом[13].

Ряд докладов указанной конференции был посвящен двум взаимосвязанным проблемам: характеру, типу реформ, проведенных в ведущих странах Западной Европы за последние полвека, и судьбе созданного в ходе них «государства благоденствия». Автор данной статьи выделил три «волны» общесистемного реформаторства: первая волна (середина 1940-х – середина 1950-х гг.) – наиболее глубокая, восстановительно-оздоровляющего типа, проведенная в большинстве

---

[12] См.: *Рахшмир П. Ю.* Эволюция консервативного либерализма // Исследования по консерватизму. Вып. 4. Реформы: Политические, социально-экономические и правовые аспекты. Пермь, 1997. С. 11–15.

[13] См.: *Лаптева М. П.* Социальная ответственность как элемент политической культуры // Там же. С. 35–38.

стран либерально-социалистическим блоком; вторая (середина 1960-х – середина 1970-х гг.) – с реформами системоподдерживающего типа, до предела расширившими и укрепившими «государство вэлфера», но вызвавшими ослабление национального консенсуса; третья (начало 1980-х – середина 1990-х гг.) – проведенная умеренными консерваторами в рамках консервативно-либерального консенсуса с реформами системооздоровляющего типа, в которых пришлось провести серьезную коррекцию «государства вэлфера» и всей системы регулирования трудовых отношений вопреки значительной оппозиции левых сил[14].

В интересном докладе В. В. Ищенко показал, что в отличие от других стран Европы реформы первой волны в ФРГ прошли в рамках консервативно-либерального консенсуса. Автор подчеркнул, что в этих реформах в рамках всей германской консервативной традиции важную роль играло умеренно-либеральное течение, сформировавшее так называемую «технократическую модель» консерватизма, которая долгое время была весьма эффективным орудием данной традиции в идейной и духовно-психологической борьбе за массы в ФРГ[15].

Известный специалист по европейской культуре XX в. В. П. Иерусалимский (Москва) самим названием доклада («Сумерки “государства благоденствия”») сформулировал проблему предельно остро: способна ли западная цивилизация сохранить в принципе свои многовековые завоевания, и не только социально-ответственное государство, но и политические свободы и саму демократию? В этой постановке автор опирается на ряд европейских и общемировых финансово-экономических и социопсихологических тенденций, которые вписываются в общий процесс глобализации и действительно ставят под вопрос способность европейской демократии сохранить в своей основе «государство благосостояния»[16]. Хотя подобная угроза остается в длительной перспективе, общая динамика европейских стран в последние годы, и в частности ФРГ, которая больше всего вызвала беспокойство нашего автора, позволяет говорить о сохранении значительных шансов на более благоприятный сценарий развития Европы, чем это прозвучало в его докладе.

---

[14] См.: *Чевтаев А. Г.* Реформы середины 40-х – середины 90-х гг. в Западной Европе: Сравнительно-типологический анализ // Исследования по консерватизму. Вып. 4. С. 96–99.

[15] См.: *Ищенко В. В.* Эволюция консерватизма в ФРГ и реформы // Там же. С. 30–34.

[16] См.: *Иерусалимский В. П.* Сумерки «государства благоденствия» // Там же. С. 74–79.

Пермские ученые не обошли своим вниманием тему, ставшую весьма актуальной в последней трети XX в.: противостояние в странах Запада политических и духовных традиций в области культуры. Наиболее активно ее разрабатывают молодые исследователи. Кандидат исторических наук Г. А. Янковская показала, что все течения американского консерватизма вовлечены в широкое обсуждение развития культуры американского общества 1960–1990-х гг. и можно говорить о культурконсерватизме как самостоятельном явлении в социопсихологических и духовных процессах США. В целом американский консерватизм исходит из идеи культурной целостности общества и решительно отвергает постмодернизм как средство, которое, по его мнению, разрушает не только американскую культуру, но и нацию как таковую, превращая ее под знаменем *мультикультурализма* в весьма аморфный конгломерат этнокультур[17].

Обстоятельный и глубокий анализ американского мультикультурализма и отношения к нему обеих традиций даны в работах кандидата исторических наук А. А. Борисова. Это обширное поле не только собственно культурных и духовных, но и социопсихологических и политико-идеологических процессов, в которых либерализм и консерватизм зачастую противостоят друг другу. Особое внимание автор уделяет анализу позиций трех основных течений консерватизма: традиционалистов, реформистов и праворадикалов относительно теории и практики мультикультурализма[18].

Одним из важных направлений в работе коллектива Центра исследований по консерватизму стало изучение политической и духовной культуры стран Запада XIX–XX вв. посредством метода творческой биографии ее видных представителей. На конференциях 1993–1996 гг. прозвучало несколько докладов, посвященных как политической деятельности, так и творческому наследию Э. Берка, Ж. де Местра, Б. фон Бюлова, Д. Кейнса и других. В последние годы это направле-

---

[17] См.: *Янковская Г. А.* Американский культурный консерватизм 1960–80-х гг. // Исторические метаморфозы консерватизма. С. 169–188.

[18] См. об этом: *Борисов А. А.* Мультикультурализм как общественно-политическая проблема США // Современные методы и технологии в преподавании международных отношений. Екатеринбург, 1999; *Он же.* Натан Глейзер и мультикультурализм // Вестн. Пермс. гос. ун-та. История. Вып. 4. Пермь, 1999; *Он же.* Палитра взглядов консерваторов на мультикультурализм // Исследования по консерватизму. Вып. 6. Консерватизм и цивилизационные вызовы современности. Пермь, 2000. С. 60–65.

ние приобрело более четкую и целеустремленную ориентацию, подкрепленную успешным участием в конкурсе на получение грантов Российского гуманитарного научного фонда.

В 1998–1999 гг. вышло несколько изданий, отразивших результаты указанной работы. В коллективной монографии «Консерватизм: идеи и люди» исследованы жизненные пути и творческое духовное развитие целого ряда видных мыслителей и политических деятелей данной традиции. Большинство из них либо вообще игнорировались отечественной наукой, либо изображались законченными ретроградами.

В работе доцента М. И. Дегтяревой Жозеф де Местр (1753–1821) предстает не только последовательным консерватором-традиционалистом, но и одним из крупных мыслителей философии истории теолого-пессимистического направления[19]. При всей правомерности ее критической оценки концепция «коллективного искупления общечеловеческого греха» (в виде страданий народов в революциях, войнах и т. д.) не лишена здравого смысла.

Профессор Г. И. Мусихин впервые в отечественной литературе исследовал биографии и философско-политические взгляды немецких консерваторов-романтиков Адама Мюллера (1779–1829) и Эрнста Людвига фон Герлаха (1795–1877). А. Мюллер одним из первых европейских мыслителей усомнился в правоте декартовского превращения разума в абсолютный критерий всего сущего. В его лице романтический консерватизм отверг сугубо рационалистический подход к жизни, так как последний «расчленяет действительность и выхолащивает жизненные явления, делая их всего лишь знаками своей научной системы, не способными дать представление о сущности этих явлений»[20].

В творческом наследии Эрнста фон Герлаха основополагающим моментом является концепция духовного (христианского) государства, основным ценностям которого (верность прежде всего Божественным законам, органическое единство монарха со своими подданными, гармония светской и духовной власти и т. п.) должны следовать правители, в данном случае прусские короли. Один из пос-

---

[19] См.: *Дегтярева М. И.* Загадочный Жозеф де Местр // Консерватизм: Идеи и люди. С. 6–40.

[20] См.: *Мусихин Г. И.* Адам Мюллер: Бюргерский защитник принципов аристократизма // Там же. С. 41–53.

ледних романтиков-консерваторов, своего рода духовный наследник А. Мюллера, Э. фон Герлах осуждал прусский монархизм с позиции легитимиста-доктринера. Твердо придерживаясь указанной концепции, он понимал дихотомию морали и права не как «историческую данность», а как отклонение от принципов христианской нравственности. И для него была совершенно естественна позиция противника такой общенациональной консолидации, какая виделась и проводилась прусским двором в конце 1840-х – начале 1850-х гг., равно как и противника «культуркампфа» Бисмарка в 1860-х гг.[21]

В своей работе Т. З. Шмидт обстоятельно раскрыла политические воззрения и социальную практику графа Артура фон Посадовски-Венера (1845–1932), одного из наиболее интересных и загадочных фигур реформаторского крыла европейского консерватизма XIX – начала XX в. До сих пор неясно, какие причины побудили этого человека в течение полутора-двух лет после занятия должности статс-секретаря имперского ведомства внутренних дел Германии изменить свой взгляд на социальную политику: из противника каких-либо перемен в рабочем вопросе стать активным проводником реформ. Вероятно, главную роль сыграли незаурядные умственные способности этого «аристократа по заслугам», который в очень короткий срок сумел понять, что права профсоюзных объединений («коалиций») должны быть признаны как элемент правовой системы общества. Это было не просто приспособлением правящей верхушки к историческим реалиям эпохи, а признаком верности концепции правового государства, в рамках которой признавался несомненный приоритет права над политикой. Добавим, что составной частью этой концепции была и защита права отдельного трудящегося не участвовать в профсоюзном объединении[22].

Двум весьма неординарным личностям – британскому консерватору Леопольду Эмери (1873–1953) и южноафриканскому консерватору Яну Христиану Смэтсу (1870–1950) – посвятил свои главы в указанной работе доцент О. Б. Подвинцев. Л. Эмери – яркий представитель той части консервативной элиты страны, которую можно

---

[21] См.: *Мусихин Г. И.* Братья Герлахи: Вожди камарильи или консерваторы без страха и упрека? // Консерватизм: Идеи и люди. С. 80–93.

[22] См.: *Шмидт Т. З.* Статс-секретарь социальной политики: Граф Артур Посадовский и социал-реформизм Германии на рубеже XIX–XX вв. // Там же. С. 94–104.

назвать «позитивными империалистами» и благодаря которой имперская традиция Лондона в XIX–XX вв. оставила свой след в современной истории и Соединенного Королевства, и Содружества. Его отличали развитый ум, обширные знания по истории и культуре Великобритании и ее владений, исключительная ответственность во всех делах, за которые он брался в своей долгой жизни, наконец, близкое знакомство и порой тесные дружественные отношения со многими видными имперскими деятелями – лордом Милнером, С. Родсом, Я. Х. Смэтсом и другими.

Все это позволило Л. Эмери глубоко проникнуть в проблемы, перед которыми стояла Британская империя в первой половине XX в., и быть наиболее разумным и активным среди тех, кто предлагал адекватные ответы на вызовы времени. Особенно это относится к проблеме трансформации империи в Содружество, а также к выбору политики Лондона в Европе во второй половине 30-х гг. XX в.: он был одним из наиболее последовательных противников умиротворения А. Гитлера, хотя имел тесные деловые и дружественные отношения с Н. Чемберленом. О силе духа и воле этого все-таки «последнего империалиста» говорит то обстоятельство, что он сумел достойно пережить трагедию своей семьи – государственную измену и казнь своего старшего сына Джона[23].

Не менее интересным и познавательным получился портрет Я. Х. Смэтса. В разное время он был военачальником, государственным деятелем, дипломатом, философом, политическим мыслителем и во всех областях оставил заметный след. Уникальность этого человека проявилась в том, что, будучи по рождению, воспитанию и культуре буром и проявив себя талантливым военачальником в войне против англичан в 1899–1902 гг., он сделал во всех отношениях правильный выбор и наряду с другим видным бурским деятелем Луисом Ботой активно содействовал включению основной части верхушки буров в новую англо-бурскую элиту, возглавившую Южно-Африканский Союз – новый доминион Британской империи.

Я. Х. Смэтс уже в 1920-е гг. едва ли не первым среди видных деятелей англоязычного мира пришел к мысли о необходимости и неизбежности для западной цивилизации интеграции разных форм,

---

[23] *Подвинцев О. Б.* Леопольд Эмери – предпоследний империалист // Консерватизм: Идеи и люди. С. 189–198.

уровней и масштабов. Пионером в этом процессе он считал Британскую империю, при этом не без оснований полагая, что она представляет собой динамичную систему наций и государств, в рамках которой этносы, народы «…не ассимилируются, а продвигаются дальше по пути национального своеобразия». Именно поэтому он внес свой важный вклад в формирование Британского Содружества наций.

О. Б. Подвинцев подчеркнул две важные параллели военной и политической биографии нашего героя. В обеих мировых войнах он либо командовал войсками ЮАС в сражениях против Германии, либо возглавлял правительство доминиона и представлял его в структурах Содружества и империи. Еще интереснее и значимее другая параллель: Я. Х. Смэтс активно участвовал в разработке основ послевоенного порядка в 1917–1919 гг. и в 1943–1945 гг. и внес определенный вклад в создание Лиги Наций и Организации Объединенных Наций. И это тоже своего рода уникальный феномен: из государственных деятелей малых стран он единственный удостоился такой чести.

Только в одном крупном вопросе национально-культурного развития ЮАС и отчасти Британской империи позиция Я. Х. Смэтса оказалась неадекватной магистральному пути межкультурного общения. Его философская система холизма – абсолютизация раздельного существования частей в рамках целого – послужила теоретическим обоснованием политики апартеида, то есть смягченной разновидности расизма. Правда, по-настоящему эта система была введена в ЮАС политическими противниками Я. Х. Смэтса после его смерти. Своеобразие его личности сказалось и в том, что его консерватизм весьма динамичен, отличается, как правило, разумностью и в то же время не укладывается ни в одно из известных течений консервативной традиции[24].

Об устойчивости и плодотворности интереса О. Б. Подвинцева к изучению личных и творческих биографий видных консерваторов говорят публикации его работ о Джоне Иноке Пауэлле (1912–1998) – англичанине, который при всех высоких умственных и творческих способностях не стал ни лидером партии, ни главою правительства, но дал свое имя (пауэллизм) одному из оппозиционных течений в консервативной партии и задолго до прихода М. Тэтчер на Даунинг-стрит, 10

---

[24] См. об этом: *Подвинцев О. Б.* Ян Христиан Смэтс – консерватор-глобалист из Южной Африки // Консерватизм: Идеи и люди. С. 178–188.

был «тэтчеристом». Добавим, что политическая позиция Д. И. Пауэлла и его харизма сыграли немалую роль как в победе партии консерваторов на выборах 1970 г., так и в ее поражении в 1974 г.

В указанных событиях, равно как и в последующих процессах социальной и политической жизни Великобритании, Пауэлл занимал крайне правые, порой экстремистские позиции, особенно по проблемам иммиграции и Северной Ирландии, и одно время был одним из лидеров юнионистов Ольстера. Даже курс М. Тэтчер он считал недостаточно твердым и консервативным. Вместе с тем он был весьма популярной фигурой среди избирателей и пользовался уважением в самых различных политических кругах, в том числе среди своих противников[25]. Объяснение этого парадокса, насколько можно судить, лежит в весьма своеобразном, даже уникальном переплетении личных качеств Джона И. Пауэлла, особенно в отсутствии карьерного честолюбия, и сложности тех проблем, за решение которых порой крайне «непрогрессивно» ратовал этот необычный политик и человек.

Наиболее значимым результатом обращения пермских историков к видным фигурам западной политической и духовной культуры стали последние публикации П. Ю. Рахшмира. В книге «Идеи и люди» представлены не просто биографии и теоретическое наследие выдающихся мыслителей ряда ведущих стран Запада, но разнообразная и богатая палитра идейно-политической и духовной жизни Европы конца XIX – середины XX в. Охват имен и идей весьма широкий. Прежде всего это Гаэтано Моска (1858–1941), самый крупный из итальянских, да и европейских политических мыслителей, подлинный основатель теории элиты, автор понятий «политический класс» и «правящий класс», соединивший в себе ученого и реального политика, осудившего с позиций умеренного консерватора формирование режима Муссолини[26].

Весьма обстоятельно исследованы личность и творчество другого итальянца – Вильфредо Парето (1848–1923), прошедшего непростые пути управленца и участника политической борьбы и затем выбравшего сферу социальных наук и преподавания в Швейцарии, человека глубоких разносторонних дарований, пережившего серьезную эво-

---

[25] См.: *Подвинцев О. Б.* Инок Пауэлл // Вопросы истории. 1999. № 9. С. 47–62; см. также: *Он же.* Шагающие не в ногу. Пермь, 1999 (раздел о Д. И. Пауэлле).

[26] См.: *Рахшмир П. Ю.* Идеи и люди: Политическая мысль первой половины XX в. Пермь, 1999. С. 7–39.

люцию от радикального либерализма к откровенно правому консерватизму, предпринявшего попытку построения системы, которая охватывала бы все принципиальные связи человека и общества. И хотя эта цель оказалась недостижима, В. Парето внес весьма значительный вклад в создание теорий элит, особенно в обоснование функционального подхода к их анализу, в разработку критериев их типологии, в обоснование концепции циркуляции элит[27].

Личность и творчество практически неизвестного в отечественной науке германо-итальянского ученого Роберта Михельса (1876–1936) также привлечет внимание читателя. Выходец из богатой купеческой семьи, получивший прекрасное гуманитарное образование, молодой ученый изменяет своему классу и включается в левосоциалистическое движение Германии и Италии, активно сотрудничает с синдикалистами круга Ж. Сореля и А. Лабриолы. Затем наступает разочарование в социализме и переход на позиции ярко выраженного итальянского национализма и одновременно становление будущего выдающегося политического мыслителя, чему способствовало тесное дружеское и научное общение его с М. Вебером и Г. Моска, а впоследствии с В. Парето.

Главный научный вклад Р. Михельса – основание социологии политических партий и открытие «железного закона олигархии», согласно которому демократии неизбежно присущи олигархические тенденции. Это относится ко всем элементам демократии и прежде всего к политическим партиям, причем к социалистическим в той же мере, как и к буржуазным. Вообще выводы из анализа взаимосвязи проблем лидерства («вождизма»), элит и массы и особое значение в ней фактора организации относятся к самым ценным в научном наследии Р. Михельса и не потеряли своего значения и в конце XX в.[28]

Привлекает внимание еще одно имя, мало известное нашему читателю. Это Жорж Сорель (1847–1922) – французский мыслитель, идеолог революционного синдикализма. Необычайно противоречивая и одаренная личность, он наряду с Г. Моска, В. Парето, М. Вебером, Р. Михельсом и другими был в центре научных дискуссий конца XIX – начала XX в. Ж. Сорель с воодушевлением еще в 1909–1911 гг. предсказал взлет Б. Муссолини и высоко оценил В. Ленина. Вплоть

---

[27] См.: *Рахшмир П. Ю.* Идеи и люди. С. 40–72.

[28] См.: Там же. С. 73–98.

до конца жизни в Ж. Сореле причудливо сочетались весьма различные умонастроения и симпатии – от крайнего синдикализма до радикального фашизма.

Основные положения политической мысли Ж. Сореля: глобальная антибуржуазность; абсолютное отрицание реформ, которые, по его мнению, играют роль опиума, притупляющего «социальную гангрену»; полное неприятие демократии, которую он отождествляет с коррупций, демагогией, аморальностью; решительное противопоставление ей социализма и особенно левого синдикализма; полное отрицание понятия «политика» и всего связанного с ним. «Насилие» – ключевое понятие у Сореля. Именно оно ликвидирует капитализм, демократию, политику и возводит на высшую ступень «мораль производителей», нравственность революционных рабочих, готовых трудиться во имя общественного долга, а не ради удовлетворения своих материальных потребностей. Именно «мораль производителей» должна стать в новом обществе двигателем современного производства[29]. Хотя у Ж. Сореля есть здравые суждения, перекликающиеся со взглядами вышеупомянутых мыслителей, в целом его учение, как справедливо отметил П. Ю. Рахшмир, является законченной политической мифологией, которая в разной степени, сознательно или бессознательно, использовалась многими политическими силами и движениями XX в., особенно авторитарными и тоталитарными.

Интересными и весьма познавательными предстают в этой монографии другие крупнейшие политические мыслители. Это Макс Вебер (1864–1920), пожалуй, наиболее глубокий и разносторонний ученый, в наследии которого отражены едва ли не все основные проблемы социологии и политики с сильным методологическим подтекстом. Одновременно в его работах звучит сама реальная жизнь его времени, ибо он был участником политической борьбы в Германии в конце XIX – начале XX в. и внес важный вклад в создание веймарской конституции[30]. Это Карл Шмитт (1888–1985), в личности которого ученый и человек оказались драматически разорванными, и это серьезно сказывалось в течение долгого времени на отношении к его теоретическому наследию, в том числе к его определению и анализу понятия

---

[29] См. об этом: *Рахшмир П. Ю.* Идеи и люди... С. 99–124.

[30] См.: Там же. С. 125–165.

«тотальное» (государство, враг, война)[31]. Это Карл Манхейм (1893–1947), в жизни и творчестве которого, напротив, обе ипостаси – личностная и интеллектуальная – развивались гармонично, несмотря на то, что он наследовал элементы трех богатейших культур: австро-венгерской, германской и англосаксонской. Он внес принципиально важный вклад в социологию политики, особенно в соотношение идеологии и утопии, а также в метаисторическое содержание понятий «ситуация» и «кризис»[32]. Это, наконец, Гарольд Джозеф Ласки (1893–1950) – один из видных британских марксистов первой половины XX в., лидер леволейбористского течения, интеллигент, мыслитель, пытавшийся совместить верность ценностям западной демократии с леворадикальными иллюзиями эпохи, человек, признавший ряд завоеваний нового курса Ф. Д. Рузвельта и одновременно восхищавшийся успехами сталинского «великого перелома». Основной вклад Ласки в социально-политическую науку – это плюралистическое видение социализма, а также «плюрализм суверенитета» общества, когда различные организации – партии, союзы, группы – обладают некоторыми элементами суверенитета. И хотя его формула «демократического социализма» не могла воплотиться в жизнь, сами поиски ее решения в левой традиции политической и духовной культуры Европы второй половины XX в. были плодотворными. Имя Г. Ласки открывает хорошо известную плеяду видных теоретиков и практиков «демократического социализма»: В. Брандта, Б. Крайского, У. Пальме[33].

Завершая разговор о книге П. Ю. Рахшмира «Идеи и люди», подчеркнем ее главное достоинство: она позволяет читателю основательно погрузиться в весьма сложный, порой захватывающий мир движения социальной и духовной мысли, а специалисту – историку, политологу, культурологу – использовать творческий багаж выдающихся мыслителей для собственных научных изысканий. Вместе с тем отметим еще одну ценность этой работы. Своеобразие метода исследования автором биографий и творчества корифеев социально-политической науки таково, что в процессе чтения его книги перед взором читателя предстает реальная жизнь многих европейских наций более чем за

---

[31] См.: *Рахшмир П. Ю.* Идеи и люди. С. 166–198.

[32] Там же. С. 199–221.

[33] Там же. С. 222–245.

полвека со всеми ее взлетами и падениями, кризисами, революциями и войнами. И не только жизнь отдельных наций, но и широкого европейского социокультурного пространства конца XIX – середины XX в.[34]

Ценным результатом сотрудничества ученых Центра исследований по консерватизму и зарубежных специалистов гуманитарных дисциплин стала реализация совместного оригинального проекта историков, политологов и юристов Пермского и Оксфордского университетов[35]. Применение метода сравнительного анализа политических систем и политической культуры России и Соединенного Королевства как в исторической ретроспективе, так и в современных процессах позволило не только выделить некоторые общие или сходные моменты, но и полнее осмыслить своеобразие устойчивой либеральной демократии в Великобритании и формирующейся российской демократии.

Для отечественного читателя весьма интересными и во многом новыми представляются следующие темы: «расставание с империей» (здесь любопытные параллели британского и российского опытов), федерализм, субсидиарность и Европа регионов (в этом разделе, к сожалению, явно не хватает обобщения британского опыта взаимоотношений центра и регионов – Шотландии, Уэльса, Корнуолла, Ольстера), государственная служба и бюрократия, политическая культура наших стран. Думается, реализация данного проекта является значительным успехом историко-политической науки в масштабе всей России за последние годы и представляет интерес для определенного круга учебно-научного сообщества Великобритании.

Итак, пермская школа исследований политической и духовной культуры Запада взяла хороший старт, обозначила основные направления и темы своих изысканий, добилась серьезных успехов, особенно в интерпретации духовной и политической эволюции консерватизма и основных течений в Великобритании и ряде стран континентальной Европы XIX–XX вв. В этом отношении пермская школа занимает одно из ведущих мест среди сообщества российских ученых, занимающихся данной проблематикой.

---

[34] Подобным же достоинством отличается и другое исследование П. Ю. Рахшмира, насколько можно судить по его началу. См.: *Рахшмир П. Ю.* Князь Меттерних: Человек и политик. Т. 1. Пермь, 1999.

[35] См.: Россия и Британия в поисках достойного правления / Под ред. И. Кирьянова, Н. Оуэна, Д. Сникера. Пермь, 2000.

Вместе с тем хотелось бы обратить внимание на возможность более активного включения в круг тем пермских коллег проблематики взаимодействия консерватизма и либерализма в переломных ситуациях истории отдельных стран и регионов Европы и континента в целом (эпоха революций и войн конца XVIII – начала XIX в., революции 1848–1849 гг., реформы конца XIX – начала XX в., войны и революции 1914–1923 гг. и другие), а также на проблему своеобразия американского консерватизма, его взаимоотношения с либерализмом в XIX–XX вв. И конечно, сохранить и расширить сравнительное исследование европейской и русской политической и духовной культуры XIX–XX вв.

Н. А. Кручинина

БРИТАНСКАЯ БИБЛИОТЕКА: ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И ОБЗОР ОСНОВНЫХ ФОНДОВ

Интеграция России в современное мировое научное и культурное пространство открывает перед отечественными исследователями новые возможности и требует освоения зарубежных информационных ресурсов. На протяжении последнего десятилетия контакты с научными сообществами зарубежных стран постоянно расширяются, иностранные архивные и печатные материалы источникового и историографического характера начинают постепенно осваиваться российскими историками. Однако проблема ориентации в иностранных информационных ресурсах остается все еще актуальной, особенно для провинциальных научных центров. Данная работа призвана хотя бы частично восполнить этот пробел. Она включает в себя базовые сведения о Британской библиотеке (The British Library) – одной из крупнейших библиотек мира и национальной библиотеке Великобритании. Работа ориентирована главным образом на исследователей-историков и представляет собой краткий обзор истории формирования и современного состояния ее основных коллекций.

История Британской библиотеки

Британская библиотека была создана в 1973 г. В основу ее была положена библиотека Британского музея, история которой восходит к 1753 г.

© Н. А. Кручинина, 2001